

Глава 63. Маленький дурачок приручил деревенского задиру (02)

Маленький дурачок моргнул своими влажно блестящими чайного цвета глазами и послушно отозвался:

— Ага.

Се Янь опустил взгляд и мельком глянул на стоящего рядом маленького дурачка.

Поднял руку и несильно, но и не слишком легко, постучал по дверной доске.

В глубине двора еще долго было тихо, а затем послышался шорох, шаркающие, неторопливые шаги, и раздался голос, полный раздражения от того, что кого-то разбудили:

— Кого это принесло в самый полдень?

Лин Цян, позевывая, открыл дверь. Увидев, кто стоит за порогом, он вздрогнул, и остатки сна вмиг улетучились от страха.

Се Янь!

В деревне не было никого, кто бы не боялся этого злого духа.

У него на спине тут же выступил холодный пот.

Се Янь в деревне слыл отъявленным хулиганом. Причина была проста: у него был отец-алкоголик, который, напившись, избивал его и его мать.

В детстве Се Янь мог только терпеть, но когда вырос и набрался сил, он начал давать сдачи. Самым страшным был тот год, когда его отец опять в пьяном угаре избивал мать. Тринадцатилетний Се Янь тогда схватил топор для рубки дров и замахнулся на отца...

Говорят, тот погиб на месте.

Его мать тоже не спасли из-за тяжелых ран.

Дело тогда получило большой резонанс. В деревню вызвали полицию, и Се Яня забрали с собой. Однако вскоре его вернули обратно — сказали, что ему не было полных четырнадцати лет, поэтому он не подлежит уголовной ответственности.

Деревенские не разбирались в таких юридических тонкостях, они запомнили только то, что этот парень с жестким сердцем и тяжелой рукой убил человека и вернулся целым и

невредимым. С тех пор все обходили его стороной.

Теперь Се Янь вырос, стал еще внушительнее. Землю он сам не пахал, нанимал других, но денег у него всегда было вдоволь.

В деревне шептались, что он отбирает деньги силой, и что если кто откажется платить, тот поплатится жизнью.

Лин Цян, глядя на этого злого духа, который стоял у его собственного порога, почувствовал, как у него подкашиваются ноги, и сердце ушло в пятки.

Неужели пришел за деньгами?

Те жалкие сбережения, что есть в доме, такого не выдержат!

Он нервно сглотнул и дрожащим голосом спросил:

— Янь, Янь-гэ (уважительное обращение к Се Яню, прим. пер.), вы-то как здесь оказались? Что-то случилось?

Се Янь рассеянно скользнул по нему своими черными глазами, отчего Лин Цян вздрогнул. Но тот, кого он так боялся, с бесстрастным лицом указал в сторону.

— Твой младший брат в реку упал, я его вытащил.

Лин Цян только сейчас заметил стоящего рядом, всего такого же мокрого, Лин Яня и поспешно сказал:

— Ах да! Спасибо, Янь-гэ! Спасибо большое!

— Угу.

Се Янь кивнул, развернулся и пошел было прочь.

Сделав всего шаг, он остановился, обернулся на Лин Яня, который послушно стоял на месте, и добавил, обращаясь к Лин Цяну:

— Лодыжку повредил, не забудь смазать мазью.

— Хорошо, хорошо! Все сделаю!

Лин Цян поспешно закивал.

Се Янь покосился на Лин Яня, прищурил свои глубокие глаза, развернулся и пошел прочь.

Но в следующий миг кто-то слегка ухватил его за рукав.

Он обернулся и встретился взглядом с влажными глазами. Лин Янь, задрав голову, тихо позвал:

— Брат.

— Я тебе не брат, — холодно ответил Се Янь и кивнул в сторону Лин Цяна. — Твой брат вон там.

Лин Янь промолчал, но не отцепился от его рукава.

Се Янь стиснул зубы, провел языком по внутренней стороне щеки и сдержанно произнес:

— Отпусти.

Воздух застыл. Лин Янь не отвечал, но и не отпускал. Так они и стояли, молча глядя друг на друга.

Наконец, после долгой напряженной паузы, Лин Цян не выдержал. Он оторвал руку Лин Яня от рукава Се Яня и, изобразив на лице улыбку, сказал:

— Янь-гэ, не обращайтесь на него внимания, он дурачок, не понимает, что делает.

Се Янь безучастно хмыкнул, развернулся и широкими шагами пошел прочь.

Но, пройдя несколько шагов, он все же чувствовал, что чей-то взгляд продолжает сверлить ему спину. Он не удержался и оглянулся. И правда — Лин Янь все еще стоял у ворот и не сводил с него глаз. А рядом с ним Лин Цян, натянув улыбку, махал ему рукой.

Се Янь на мгновение замер, а затем, не оборачиваясь, ушел.

Когда его фигура совсем скрылась из виду, Лин Цян наконец выдохнул с облегчением.

Он повернулся к Лин Яню, и в его взгляде сквозило отвращение. Он тихо, сквозь зубы, выругался:

— Почему ты не утонул? Сдох бы — и все дела, одним ртом в доме меньше.

Лин Янь молча смотрел на него.

Эти двое были единокровными братьями по отцу.

Лин Цян был сыном отца от первого брака. Его родная мать умерла рано, и отец женился во второй раз, после чего родился Лин Янь. В детстве Лин Янь переболел с сильным жаром, который повредил ему мозг, и с тех пор он стал слабоумным.

Отец и мать Лин Яня не только не отвернулись от него, но, наоборот, из-за его инвалидности еще больше баловали. Эта неравная любовь посеяла семена ненависти в душе Лин Цяна —

Ему казалось, что отец всегда видел только этого глупого младшего брата.

С детства Лин Цян терпеть не мог Лин Яня. Но пока родители были живы, он не смел ничего сделать.

Все изменилось в прошлом году, когда отец и мать Лин Яня один за другим ушли из жизни, и Лин Янь лишился последней защиты. Тогда Лин Цян начал всячески притеснять его и даже задумал убить.

Если в доме станет на одного меньше, останется больше еды.

И он каждый день подбивал Лин Яня играть у реки, надеясь, что однажды тот «случайно» утонет и перестанет быть обузой.

Лин Цян злобно посмотрел на Лин Яня и, указав на разложенные во дворе для просушки соевые бобы, крикнул:

— Дурак! Собери бобы и ссыпь их в мешки!

Лин Янь тихо отозвался:

— ...Ага.

Он, весь мокрый, побрел во двор. Одежда так и не высохла, вода стекала по ней, липла к телу, было холодно и тяжело.

Плечи и спина ныли —

это были еще не зажившие синяки от побоев, которые он получил от Лин Цяна несколькими днями ранее. Этот человек даже не дал ему переодеться в сухое, сразу погнал работать. Похоже, он и правда считал его за скотину.

Лин Цян с грохотом захлопнул дверь, скрестил руки на груди и встал под навесом, наблюдая за

ним, и не переставая ругался:

— Шевелись быстрее! Если хоть один боб останется, я тебя прикончу!

Лин Янь опустил свои чайного цвета глаза, скрывая промелькнувший в них холодный блеск.

Он нарочно взял лопату, повел запястьем —

и бобы, которые должны были попасть в мешок, с громким шорохом рассыпались по земле, и многие даже отлетели за пределы полиэтиленовой подстилки.

Лин Цян тут же взбесился. Схватив валявшуюся у стены дубину, он ринулся к нему:

— Бесплезный урод! Даже такой пустяк сделать не можешь! Почему ты не утонул тогда, а?!

Дубина просвистела в воздухе, но Лин Янь ловко увернулся в сторону, поднял голову и широко улыбнулся Лин Цяну глупой улыбкой.

— Ого! Увернулся? Храбрый стал, да?!

У Лин Цяна от злости вздулись вены на лбу. Он бросился следом, но не заметил, куда ставит ноги — по земле были разбросаны только что рассыпанные бобы. Он поскользнулся, и с глухим звуком «шлеп!» со всего размаху рухнул на пятую точку!

— Ах ты ж, черт!!

Из глубины дома послышался женский голос, сонный:

— А Цян, что случилось?

Лин Цян, потирая ушибленный копчик, скривившись от боли, крикнул в сторону дома:

— Всё нормально! Жена, спи дальше!

Когда Лин Цян, все еще потирая ушибленное место и ругаясь себе под нос, поднялся, Лин Янь уже давно бросил лопату и быстро юркнул в угол двора, в маленькую глинобитную хибару.

Это и было жилище Лин Яня — ветхое, тесное, с обвалившейся наполовину штукатуркой. А вот сам Лин Цян жил в новой светлой и просторной кирпичной избе, которую построил к свадьбе. Разница была разительной.

— Черт бы его побрал, маленький дурак еще и убегает? В следующий раз прибью!

Лин Цян зло сплюнул вслед его фигуре.

Лин Янь забежал в свою хибару, быстро задвинул засов, кое-как обтер все еще мокрые волосы и тело, переоделся в сухую одежду.

Закончив, он почувствовал, как по телу разливается слабость. Веки отяжелели, и он забрался на лежанку и уснул.

Когда он проснулся, за окном уже было совершенно темно.

В животе заурчало от голода.

И тут в комнату ворвался дразнящий запах жареной курицы.

Он бесшумно подкрался к окну и выглянул наружу через мутное стекло — Лин Цян сидел во дворе у костра и с наслаждением жарил жирную курицу, с которой шипя стекал жир.

Чайные глаза Лин Яня в темноте блеснули, и в них промелькнул хитрый огонек.

В пространстве (условное внутреннее пространство системы, прим. пер.) Лин Сяоци (□□□), ощутив его настроение, весело спросил: □Старший брат, ты хочешь жареной курицы, да?□

□Верно.□

Лин Янь, разглядывая что-то за окном, на секунду задумался, а затем быстро снял с себя сухую одежду и снова надел ту мокрую, в которой был после реки.

Он бесшумно приоткрыл дверь, скользнул в тень у забора, поднял с земли небольшой камешек и, размахнувшись, метнул —

Камешек точно угодил в свинарник.

— Хрю-ю-ю!

Разбуженный посреди сна боров испуганно заверещал.

Лин Цян от неожиданности вздрогнул и поспешно вскочил, чтобы посмотреть, что случилось. Пока его не было, темный силуэт метнулся к костру, и курица с вертела в одно мгновение исчезла.

— Твою мать! Где моя курица?!

Вернувшись, Лин Цян увидел пустой вертел и остолбенел.

А Лин Янь тем временем, завернув обжигаяще горячую курицу в капустный лист, точно дикий, ловкий кот, со всех ног понесся к другому концу деревни.

Он остановился у деревянной двери и, тяжело дыша, с силой заколотил в нее кулаками.

Вскоре дверь со скрипом приоткрылась.

Се Янь, нахмурившись, стоял на пороге. Не успел он и рта открыть, как Лин Янь поднял к нему свое испачканное лицо, сверкнул белыми зубами и, высоко подняв перед собой курицу, завернутую в капустный лист, улыбнулся так, что глаза превратились в две щелочки.

— Брат, ешь курицу!

□Динь□ Системное уведомление: Уровень озлобленности Се Яня снижен на 10. Текущий уровень озлобленности: 89.□

<http://bllate.org/book/18456/1898543>